

уделялось внимание дискуссии относительно смертной казни. Кроме того, и, пожалуй, это было наиболее существенным, на тот момент (да и в последующие годы), как и в период подготовки проектов Конституции 1994 г., была сложная криминогенная обстановка (в 1995 г. было совершено 1117 убийств, в 1996 г. – 1130, в 1997 г. – 1195, в 1998 г. – 1228, в 1999 г. – 1180). Это не способствовало формированию у граждан позиции в пользу отмены смертной казни как средства защиты особо тяжких преступлений. Отметим также, что обращение Президента к народу по вопросу изменений Конституции было вызвано, на наш взгляд, и тем, что Верховный Совет изначально грубо нарушил Конституцию, отказавшись вообще рассматривать проект закона, направленный ему в начале 1996 г., с целью возможного внесения законодательным органом изменений в Конституцию.

По свидетельству некоторых общественных организаций, проводивших опросы населения, наблюдается тенденция изменения общественного мнения в пользу отмены смертной казни по сравнению с результатами референдума, хотя оно и не доминирует в обществе.

До 1999 г. включительно осужденных к смертной казни ежегодно насчитывались десятки. В 1995 и 1996 гг. к смертной казни было приговорено соответственно 37 и 29 человек. После референдума, когда большинство граждан Республики Беларусь высказались за сохранение смертной казни, было уже приговорено: в 1997 г. – 46, в 1998 г. – 47, в 1999 г. – 13 человек. Начиная с 2000 г. к смертной казни приговаривались единицы граждан (в 2000, 2001, 2002, 2003 гг. – соответственно 4, 7, 4, 4 человека). В этот период менее двух десятков лиц ежегодно было приговорено к пожизненному заключению (соответственно 18, 11, 15, 12 человек). Следует отметить, что именно в этот период был ощутимый рост убийств. По сути, можно говорить о пике этих преступлений. Обратим внимание на то, что в 2012 г. не было вынесено ни одного приговора о смертной казни. Роста преступности не произошло.

11 марта 2004 г., почти через 10 лет после принятия Конституции, исходя из проведенного анализа норм Конституции, международных актов Конституционный суд вынес заключение, в котором отметил, что норма ч. 3 ст. 24 Конституции предвосхитила отмену смертной казни. Она была ориентирована на создание условий в рамках временного отрезка (своего рода переходного этапа) для отказа от исключительной меры в виде смертной казни. Вместе с тем такая редакция ст. 24 Конституции не позволяла Конституционному суду в своем заключении признать в полной мере нормы Уголовного кодекса не соответствующими Основному Закону Республики Беларусь. В заключении была зафиксирована необходимость некоторой корректировки Уголовного кодекса, а также возможность объявления моратория на вынесение приговоров о смертной казни в качестве первого шага.

Известно, что смертная казнь как вид наказания отменяется самим парламентом или конституционным судом (признается неконституционной). Часто приводятся примеры, когда граждане страны в своем большинстве выступают против отмены смертной казни, но уполномоченный субъект берет на себя ответственность и принимает решение об отмене смертной казни. Если соответствующее решение выносит конституционный суд, обнаруживший «вдруг» неконституционность норм национального уголовного кодекса, то возникает резонный вопрос: кто ответит за приведенные в исполнение приговоры, вынесенные на основе противоречащего основному закону уголовного кодекса. Следовательно наиболее удачной в редакционном отношении является ст. 24 белорусской Конституции.

Сравнивая ситуацию в Республике Беларусь с европейскими странами, США, Канадой, экспертам было бы полезно учитывать данные о числе лиц, предположительно совершивших преступление и погибших от рук полицейских при их задержании. Полагаем, что их удельный вес существенно превысит число лиц, приговариваемых к смертной казни в Беларуси, и пострадавших при задержании милицией в результате применения огнестрельного оружия. Известно, насколько свободно полицейские применяют огнестрельное оружие даже по отношению к лицу, совершившему преступление, не относящееся по нашей классификации к тяжким или особо тяжким.

На наш взгляд, европейский стандарт, предполагающий отказ от применения смертной казни в мирное время, для Беларуси как европейской страны приемлем. Необходимо делать дальнейшие шаги в этом направлении, формируя соответствующим образом правоприменительную практику, повышая правовое сознание граждан, воздействуя на криминогенную ситуацию с целью снижения уровня преступности, прежде всего сокращения количества тяжких и особо тяжких преступлений. В качестве технико-юридической меры можно принять закон о приостановлении действия норм Уголовного кодекса о применении смертной казни на определенный период (например, на год). К моменту окончания действия этого закона его можно было бы с учетом развития событий пролонгировать.

Совет Европы, высказывая требование об отмене нашей республикой смертной казни и выдвигая это в качестве одного из условий приема в состав данной международной организации, на наш взгляд, должен учитывать практику приема других государств, которым устанавливался переходный период для приведения законодательства в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

УДК 324.737.2

В.Н. Вежновец

О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Возникновение понятия «права человека», т. е. осознание этой проблемы как научной, неразрывно связано с появлением и распространением идей естественного права. Еще в VI–V вв. до н. э. древнегреческие мыслители (Пикофрон, Антифон и др.) утверждали, что все люди равны от рождения и имеют одинаковые, обусловленные природой права.

Аристотель одним из основополагающих считал право на частную собственность, которое отражает природу самого человека и основано на его любви к себе. В период феодализма многие естественно-правовые идеи облеклись в религиозную оболочку. Позднее они получили отражение и дальнейшее свое развитие в трудах Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и других мыслителей.

С развитием общественных отношений права человека из идеальной категории постепенно превратились в реальную действительность, закрепились в государственно-правовых и международно-правовых документах, выступали критерием демократичности той или иной системы правового или государственного устройства.

Основные права человека и гражданина – совокупность прав и свобод, законодательно закрепленных в Конституции Республики Беларусь и в международно-правовых актах. Они определяют основы правового положения в современном обществе, являются исходными для всех других прав и свобод человека и гражданина, которые регулируются действующим законодательством.

Среди всего перечня конституционных прав особое место занимает конституционная норма, позволяющая гарантировать каждому человеку неприкосновенность его жилища. Характеристика данного права неизменно включает в себя понятие «жилище», которое содержится в действующих нормативных актах государства, а также порядок и условия проникновения в жилище сотрудников органов власти и других лиц в случае крайней на то необходимости.

Под жилищем действующее законодательство Республики Беларусь понимает все виды жилых помещений, в которых человек может проживать постоянно или временно. В данный перечень включаются квартиры, жилые дома, комнаты в общежитиях и коммунальных квартирах, гостиничные номера. При этом факт законного нахождения данного человека в конкретном жилище должен подтверждаться регистрацией в нем либо наличием согласия собственника на проживание на его жилой площади, подтвержденным соответствующим договором аренды или безвозмездного пользования.

Под неприкосновенностью жилища в буквальном смысле понимают запрет кому-либо без разрешения на то собственника или другого законного владельца вторгаться в жилое помещение (ст. 29 Конституции). Эта гарантия обеспечивает абсолютное личное право граждан, проживающих в жилом помещении, которое связано с их имущественным правом и означает, что никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли. Однако данный запрет ни теоретически, ни практически не является абсолютным, поскольку в ряде случаев проникновение в жилище необходимо в интересах личности, общества и государства. При этом условия такого проникновения могут быть регламентированы только законом.

Правомочность государства на вмешательство в личную жизнь граждан на основе законов и в целях борьбы с преступностью соответствует требованиям ст. 12 Всеобщей декларации прав человека (1948), ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), Протокола № 1 к ней (1952), Протокола № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый протокол к ней (1963), Протокола № 7 (1984), ст. 163 и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966).

В соответствии со ст. 48 Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на жилище. В то же время указывается, что никто не может быть произвольно лишен жилья.

Подобное положение содержится в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию.

Согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Порядок таких ограничений определяется и регламентируется законодательством. Например, в случаях, не терпящих отлагательства, когда противоправные действия отдельных лиц могут привести к совершению тяжкого преступления, а также при наличии информации о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности, допускается осмотр жилых помещений, занимаемых гражданами, на основании мотивированного постановления органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным письменным уведомлением соответствующего прокурора в течение 24 ч. В течение 48 ч с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить санкцию прокурора на проведение такого мероприятия (закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-3 «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В то же время граждане и организации обязаны обеспечивать доступ в занимаемые ими или находящиеся в их владении и пользовании жилые или нежилые помещения работникам, имеющим в соответствии с законодательными актами право доступа в жилое помещение, в случае чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма, в целях спасения жизни и предотвращения вреда здоровью граждан и их имуществу, а также для проверки технического состояния жилого помещения, инженерных систем и оборудования и проведения ремонтных работ (ст. 26 и 54 Жилищного кодекса Республики Беларусь).

Неприкосновенность жилища в Республике Беларусь гарантируется также нормами гражданского и жилищного законодательства, которые предоставляют гражданам право требовать признания недействительным договора найма жилого помещения, например в случаях признания договора найма жилого помещения недействительным (ст. 64 ЖК), признания недействительным обмена жилых помещений (ст. 81 ЖК), выселения граждан, самоуправно занявших жилое помещение (ст. 85 ЖК), возмещения вреда, если противоправное вторжение в жилище причинило материальный ущерб (ст. 14, 933 ГК).

Полагаем, что обеспечению права на неприкосновенность жилища будет способствовать информированность граждан жилищно-эксплуатационной службой о потребительских качествах занимаемых ими жилых помещений, учет этих тре-

бований при разработке технических нормативных правовых документов и проектно-сметной документации на строительство и реконструкцию жилых домов, а также при технической эксплуатации жилых домов и контроль за соблюдением правил пользования жилыми помещениями.

Граждане и организации вправе обратиться в суд, если полагают, что действиями (бездействием) должностных лиц и (или) организаций ущемлены их права и законные интересы, а также что они привели к нарушению или ограничению их прав и свобод.

Ответственность за противоправное, прямое или косвенное, посягательство на неприкосновенность жилища установлена соответствующими нормами уголовного, административного и процессуального законодательства.

К сожалению, в отдельных нормативных правовых актах содержатся отсылочные нормы или устанавливается недостаточно мотивированная возможность ограничения права неприкосновенности жилища.

По нашему мнению, правомерное ограничение конституционных прав и свобод личности требует комплексного совершенствования законодательного регулирования оснований и порядка такого ограничения. Одной из проблем является проблема субъектов, правомочных принимать решения о применении мер, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Когда действие затрагивает конституционные права личности, уголовно-процессуальный закон устанавливает особые гарантии в виде необходимости решения такого вопроса судом на досудебных стадиях санкционирования указанных мер прокурором. На наш взгляд, в идеале решение об ограничении конституционных прав должно выноситься лишь независимым и беспристрастным органом, каким является суд.

УДК 342.5

О.В. Демидова

ПРАВOTВOPЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Специализированные органы конституционного контроля обладают особой юридической природой и занимают специфическое место в системе разделения властей, от этого производны и особенности принимаемых данными органами решений. Значение правовых позиций, выраженных в решениях Конституционного суда РФ, очень велико при осуществлении органами власти правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Они способствуют реальному воплощению принципов и норм Конституции Российской Федерации, гарантированности прав и свобод граждан в складывающихся общественных отношениях.

Рассматривая вопрос о роли судов в процессе формирования права, В.Д. Зорькин отмечает, что правотворческая деятельность судов в правовой системе России формально (официально) не признается, в доктрине интерпретируется противоречиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права так же, как это имеет место и в ряде других стран Европейского континента (Греция, Италия, Нидерланды, ФРГ и др.).

Анализируя проблему возможности признания решений Конституционного суда РФ источниками права, стоит отметить, что учеными по данному вопросу высказывались неоднозначные суждения. В настоящее время можно констатировать, что существует немало сторонников позиции признания решения Конституционного суда РФ источником права.

Например, судья Конституционного суда РФ Н.С. Бондарь указывает, что главным контраргументом тезиса о правотворческом потенциале конституционного правосудия является выраженная еще Г. Кельзеном нормативистская в своей основе позиция, согласно которой единственным источником права является нормативный правовой акт; правосудие же, пусть даже и конституционное, не предназначено в системе разделения властей для создания норм права. Такой подход вряд ли соответствует сегодняшним правовым реалиям: разделение властей вовсе не предполагает возможность осуществления правотворческой деятельности только законодательными органами. Подтверждением этого является признание нормотворческой функции у органов исполнительной власти, включая так называемое делегированное законодательство.

Безусловно, вопрос о правовой природе решений Конституционного суда РФ остается дискуссионным. Одни считают его решения нормативными правовыми актами, другие – прецедентами, третьи – конституционными доктринами, четвертые – актами преюдициального характера, пятые – правоприменительными актами, шестые – интерпретационными правовыми актами.

На наш взгляд, для правильного осмысления сущности решений Конституционного суда РФ необходимо сформировать комплексное представление о присущих им свойствах.

В.А. Кряжков и Л.В. Лазарев выделяют следующие юридические особенности названных решений: во-первых, они принимаются особым субъектом; во-вторых, занимают специфическое место в системе правовых актов; в-третьих, имеют особый процессуальный порядок принятия. По мнению А.А. Малюшина, следует особо отметить такие признаки, как обязательность решений, их окончательность и непосредственность действия.

По нашему мнению, ключевым моментом в признании решений Конституционного суда источником права является установление характерного для них важнейшего признака, присущего источнику права, – нормативности. Свойство нормативности решений Конституционного суда РФ достаточно широко исследовано на теоретическом уровне.

По мнению Н.С. Бондаря, решения Конституционного суда РФ, выраженные в постановлении или определении, обладают определенными свойствами нормативности, многие из которых получили юридическое закрепление в федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации»: общеобязательность (ст. 6); окончательность, вступление в силу после провозглашения и незамедлительное официальное опубликование, непосредственное действие (ст. 78, 79); недопустимость преодоления правовой позиции Конституционного суда законодателями (ст. 79); пересмотр в установленных случаях решений судов и иных органов, основанных на актах, признанных неконституционными (ст. 79), и т. д.